

АЛХИМИК МУЗЫКИ

Умер Лучано Берио

Коммерсантъ - 2003 - 29 мая - с. 21

некролог

В римской больнице Gemelli на 78-м году жизни умер Лучано Берио — крупнейший из композиторов европейского авангарда, президент итальянской национальной музыкальной академии Santa Cecilia.

Лучано Берио — один из первых пропагандистов электронной музыки. Уже в 1954 году он основал Студию музыкальной фонологии (превратившуюся в один из европейских центров направления), а позже, уже в 1970-е, продвигал электронную музыку в университетские программы (сначала в Нью-Йорке, а потом и в родной Флорен-

ции). Пример его композиторского метода — использование третьей части из Второй симфо-

нии Малера в собственной знаменитой Симфонии для восьми голосов и оркестра. О ней Берио говорил так: «Я использовал произведение Малера как репторту, в стенках которой развивается, сталкивается и трансформируется великое множество „музыкальных мифов“ и аллюзий» — и далее перечисление добрых двух десятков «мифов», которые столь неожиданно оказались ему подвластны — от Баха, Шенберга, Дебюсси, Брамса, Берга, Бетховена и Стравинского до Булеза, Пуссера, Штокхаузена и себя самого.

За алхимическое пристрастие к музыкальным мутациям, усугубленным экспериментами

со звуковой палитрой (а это не только синтетические звуки, но и прокручивание записей текстов Джеймса Джойса, Сэмюэла Беккета и Итало Кальвино), у Берио могла бы возникнуть репутация мастера коллажных полотен, кропотливых, многоречивых, переполненных цитатами и гиперссылками. Но теперь можно наверняка утверждать, что помнить его будут не только за такую мастеровитость.

Последний триумф был сколь неожиданно публичен по характеру, столь характерен для всего творческого пути композитора. Ему поручили написать (вернее, как бы составить, поскольку об оригинальном сочи-

тельстве речи идти не могло) новый финал для «Турандот» Пуччини вместо прочно засевшего в постановочной практике варианта Франческо Альфано. Это уже факт признания и одновременно неимоверной ответственности.

Берио, конечно, виделся в недоделанном финале прежде всего необычный музыкальный материал (так, он отыскал в набросках умирающего Пуччини следы знакомства с венской додекафонией). Вместо жирного и броского ликования, не обусловленного никакой логикой, кроме ремесленных представлений об оперном финале, растворен-

ность и прозрачность этого самого финала, ясного и сдержанного, но в то же время пронизанного для множества версий и толкований, как слушательских, так и режиссерских. Это поразительно. Композитор, которого с 1960-х так настойчиво причисляли к застрельщикам постмодернизма, на исходе жизненного и творческого пути вновь обнародовал (и притом в общедоступной форме) совсем иное кредо: простота, строгость и открытость, не дающие лживых и развлекающих утешений, но примиряющие с вечной неопределенностью бытия.

СЕРГЕЙ ХОДНЕВ